

В РОССИИ.

** Молодой революционер Нечаев, прибывший из России, приехал в Бельгию в марте 1869 г. К концу марта он был в Женеве, где сейчас же вступил в сношения с Бакуниным. Последний писал мне (письмо от 13 апреля): "В настоящий момент я чрезвычайно занят тем, что происходит сейчас в России. Наша молодежь, быть может, самая революционная, как в теоретическом отношении, так и практически, в мире, волнуется так сильно, что правительство принуждено было закрыть ун и верситеты, академии и несколько школ в Петербурге, Москве и Казани. У меня сейчас здесь один из таких молодых фанатиков, которые ни в чем не сомневаю т ся, ничего не боятся и которые поставили себе принципом, что, многие, очень многие должны погибнуть от руки правительства, но, что они не успокоятся до тех пор, пока народ не восстанет. Они восхитительны, эти молодые фанатики, верующие без Бога и герои без фраз! Папе Мерон доставило бы удовольствие в и деть моего гостя, тебе тоже".*

То, что происходит сейчас в России, достойно внимания всех социальных д емократов Европы.

Нужно сознаться, что до сих пор имели совершенно ошибочное представление о характере и стремлениях, а также об экономическом положении народа, нас е ляющего эту обширную страну. Так, до сих пор было еще довольно распростране н ным мнением в Европе, что теперешний царь { Александр II. },-- благодетель и о с вободитель народа, является предметом народного поклонения; что он, действ и тельно, освободил русских крестьян и устроил на солидном фундаменте благосо с тояние сельских общин, которые составляют всю силу и все богатство Всеросси й ской Империи. Разве не думали и не говорили что, осчастливив народ и заслужив его признательность, он стал настолько силен, что стоит ему сделать знак, чтобы эти миллионы фанатических варваров двинулись против Европы?

Говорили это и повторяли на тысячу различных ладов, одни не подозревая, другие прекрасно зная, что они этим оказывают огромную услугу столь ненавис т ному царскому владычеству, основанному гораздо более на воображении, на пан и ческом страхе, ловко распространяемом им вокруг себя, и на умелом пользовании этим обстоятельством его дипломатами, чем на реальных фактах.

Так, разве не думали, в 1861 г., доверяя телеграммам князя Горчакова и русской и заграничной прессе, субсидированной петербургским правительством, что весь русский народ, все классы: дворянство, духовенство, купечество, уч а щаяся молодежь и в особенности крестьяне единодушно желали раздавить, уничто жить Польшу; что правительство, которое хотело бы, может быть, действовать мягче, было принуждено стать палачем этого несчастного народа и что оно зат о пило его в крови, лишь повинувшись этой единодушной воле, этой безмерной наро д ной страсти?

За очень немногими исключениями, все в Европе верили этому и эта всеобщая вера в значительной мере способствовала тому, что если негодование европейского общества не совсем затихло, то во всяком случае, действие его было парализовано.

Трусость и несогласия европейской дипломатии помогли, и Европа остановилась перед этим величественным проявлением, якобы, могущественного народа. Не посмели выступить против него и дали спокойно совершиться новому великому преступлению в Польше, не пойдя дальше смешных протестов.

Потом явились софисты, русские и не русские, одни платные, другие глупо ослепленные, -- Прудон, великий Прудон, попал к сожалению в их ряды; они явились нам разъяснить, что будто бы польские революционеры -- католики и аристократы, представители мира, осужденного погибнуть; тогда как русское правительство, со всеми своими палачами, представляет, против них, интересы демократии, интересы угнетенных крестьян и нового принципа экономической справедливости.

Вот ложь, которую осмелились распространять и которая нашла доверие в Европе, и все это способствовало значительному увеличению престижа и воображаемого могущества -- могущества, которым никогда не следует пренебрегать -- Все российской Империи в Европе.

Нужно, чтобы европейское общество ничего не знало из всего того, что существует и что происходит в этой огромной стране, чтобы поверить всем этим выдумкам, распространяемым, прямо или косвенно, русской дипломатией. И особенно странно то, что та часть печати во всех странах, которая принадлежит польской эмиграции или находится под ее влиянием, помогла московской дипломатии, отождествляя везде и всегда русский народ с петербургским правительством. Неужели столь законная ненависть поляков к своим угнетателям настолько ослепила их, что они не понимают, что таким способом они оказывают услугу именно тем, кого они ненавидят? Или они, действительно, являются до такой степени сторонниками существующих экономических порядков, что предпочитают даже свирепый царский режим социальной революции русских крестьян?

Как бы то ни было, пора покончить с этим постыдным и опасным невежеством. Являясь представителями международного освобождения труда и рабочих всех стран, мы не можем и не должны иметь никаких национальных предпочтений. Угнетенные рабочие всех стран -- наши братья и, равнодушно относясь к интересам, честолюбивым помыслам и тщеславию политического отечества, мы не признаем других врагов, кроме эксплуататоров народного труда.

Как представителям великой международной борьбы труда против эксплуатации дворянства или буржуазии, для нас очень важно знать, будут ли, в великий день борьбы, за нас или против нас те семьдесят миллионов, которые поработаны в настоящий момент в Велико-русской Империи, находящейся в столь близком соседстве с нами { В этой статье, написанной от имени редакции l'Egalite, Бакунин должен был говорить и говорит о России, как если бы автор был не русским, а западным человеком. }, и сто миллионов славян, живущих в Европе.

Игнорировать их, не стараться узнать их характер, нравы, их современное положение и нынешние стремления было бы больше, чем ошибкой с нашей стороны, это было бы преступным безумием.

Благодаря некоторым друзьям, которые хорошо знают эти страны, мы можем заняться их изучением, что очень важно во всех отношениях, и мы это сделаем в серии статей { Эта серия статей не была написана. }.

Наиболее выдающееся событие, которое наполняет в настоящий момент столбцы всех официальных и официозных петербургских и московских газет, это внезапно закрытие университетов, академий и других государственных учебных заведений и многочисленные аресты студентов в Петербурге, Москве, Казани и других провинциальных городах. Потом распоряжения полиции, предписывающей трактирщикам и содержателям ресторанов не давать обеда зараз двум студентам, и хозяевам домов не допускать, чтобы какой-нибудь студент провел ночь у другого ни даже, чтобы днем у него собиралось больше двух студентов. Тюремные участки, карцеры третьего отделения (Chancellerie secrete), крепости полны молодыми людьми, которых хватают в обеих столицах или привозят из глубины России.

Что же происходит? Значит, не все обстоит благополучно, не все довольны в России? И что хотят эти молодые люди? Требуют они конституцию, такую же как в Бельгии или Италии или какую хочет у себя ввести, например, благодатная Испания? Ничуть ни бывало. Вы читали программу русской социальной демократии, которая, переведенная на французский язык, произвела такой скандал среди буржуа-социалистов Бернского Конгресса { Эта программа, написанная Бакуниным, появилась в первом номере (1-го сентября 1868 г.) русской газеты Народное Дело, основанной Бакуниным и Жуковским, но которая со второго номера перешла к Утину. }? Ну, так это их программа, это то, что они хотят. Они хотят ни больше ни меньше, как разрушения этой чудовищной Великороссийской Империи, которая в продолжение целых веков давила своей тяжестью народную жизнь, но которая, по видимому, не совсем ее убила. Они хотят социальную революцию, какую воображает себе Запад, смягченную цивилизацией, едва осмеливается себе представить.

И эти безумцы в небольшом числе? Нет, их легион; они образуют фалангу в несколько десятков тысяч: деклассированная молодежь, немного дворян, масса сыновей мелких служащих и сыновей священников и юноши, вышедшие из народа, как деревенские, так и городские. Но они обособлены от народа? Нисколько. Наоборот, это движение молодежи, которая, вышедши из самых низов русского общества, ищет света со всей энергией и страстью, каких не знают больше у нас, это движение растет и распространяется, несмотря на все репрессивные меры, свойственные русскому правительству, стремится слиться с каждым днем все больше и больше с народным движением, с движением народа, доведенного до отчаяния и невообразимой бедности знаменитым освобождением и другими реформами царя-освободителя.

Еще немного времени, два года, год, быть может, несколько месяцев, и оба эти движения сольются в одно, и тогда,-- тогда мы увидим революцию, которая, без сомнения, превзойдет все революции, какие мы знали до сих пор.

(Egalite, 17 апреля 1869 г.)

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 4 июня 2025 01:09:59

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 4 июня 2025 01:10:33